

Мадагаскар / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Мадагаскар / рассказ МАДАГАСКАР

Меня разбудил шум. Еле заметные отблески луны пробивались через штору и падали на очертания украшений, которые весели на стене. Комната была незнакомой. Я лежала под какой-то занавеской. Только потом поняла, что это полог, а я нахожусь на Мадагаскаре, и мой отель стоит почти в джунглях. Вдруг, из ванной комнаты послышались шорохи. Они то приближались, то удалялись. В комнате кто-то находился. Может кошка? Вдруг, прямо надо мной, раздался крик ребёнка. Как будто его подвесили к потолку. Два горящих глаза сверкнули в глубине комнаты, а затем, в упор уставились на меня. Страх не давал шевельнуться. Вторая пара глаз мелькнула над шкафом. Может гигантские летучие мыши? Глаза поворачивались то вправо, то влево, потом, зверь резко соскочило вниз, и начал прыгать по комнате. В этот момент, рядом, послышался громкий, протяжный вой, похожий на истощный крик кошки. Я закричала что было сил. Кто-то пронёсся мимо меня и исчез в окне. Через мгновение я уже была в вестибюле. Дежурный с перепугу выскочил из-за стойки и бросился навстречу.

– What happened, what happened to you?

Откуда-то выбежал полураздетый Парани, наш гид, высокий, плечистый малагасиец с грустными глазами. Когда-то он учился в России и отлично говорил по-русски.

– Марина, что произошло? – в его голосе слышалась тревога.

– Там, там кто-то в моей комнате с глазами. Они смотрели на меня, а потом начали прыгать то вверх, то вниз. Я боюсь. Я не пойду туда.

– Марина, там никого не может быть. Здесь безопасное место, только наша группа и работники гостиницы. Может тебе показалось? Приснилось? – Парани был растерян.

– Я что, сумасшедшая? В комнате стоял грохот, и я видела глаза.

Парани не знал, как меня успокоить и предложил вместе сходить в комнату, чтобы убедиться, что там никого нет.

– Я никуда не пойду.

Сотрудник гостиницы и наш гид отправились проверять мою комнату. Вернулись они минут через пять. Парани с облегчением в голосе объяснил:

– Это лемуры. Мы их называем бродящими призраками леса. Они часто по ночам наведаются из парка. У тебя есть бананы или что-то вкусное? Они отлично чувствуют лакомства. Думаю, поэтому и забралась в комнату. Все съедобное надо прятать подальше и обязательно закрывать окна. Иди, никто тебя здесь не тронет. В комнату возвращаться не хотела.

– Парани, может я где-нибудь в вестибюле пристроюсь? Не хочу опять шум поднимать, если вдруг они вернуться.

– Не вернутся. Убери бананы в чемодан и ложись спать.

Я стояла не двигаясь. Пережитый ужас не отпускал. Парани взглянул на меня и куда-то исчез. Через пару минут вернулся с девушкой, сотрудницей гостиницы.

– Вот тебе охранница. Иди спать.

В комнате было тихо. Девушка улеглась на свободную кровать. Я успокоилась, но уснуть не удалось. Только под утро немного задремала. Мне приснился дед. Он что-то мне говорил, но надвигающийся откуда-то шум, не давал его услышать. Я проснулась. Шум накрыл наш домик. Казалось, что огромная волна разбилась прямо над моей головой. Спрятаться можно было только под одеяло.

– Спи. Лемуры, – раздался голос девушки. Было слышно, как она поворочалась на кровати и, по-видимому, уснула. Оказывается, лемуры просыпались ровно в шесть, и, как цунами, неслись по крышам строений, издавая рев. Все утихло так же быстро, как началось. Сон улетел вместе с лемурами. Я лежала измученная и не выспавшаяся. Хотела пожаловаться деду. Рука потянулась за телефоном и замерла. Я поняла, что звонить мне некому. Человека, которому было все интересно про меня, больше нет.

С дедом я прожила почти всю свою жизнь. Сам он мало ездил – тяжёлое детство и юность сказались на здоровье, но рассказывать о самом заурядном местечке он умудрялся так

интересно, что непременно хотелось там побывать. Мы «исколесили» с ним весь глобус, порядком истрепанный, который всегда стоял на его столе. Я с закрытыми глазами могла найти любую точку на географической карте мира. Поэтому, порой, когда попадала в незнакомое место, мне казалось, что я там уже побывала. Деда нет. Осталась пустота где-то внутри. Как будто вынули что-то и не вернули. От этих ощущений ныло под ложечкой, но слёз не было.

Мадагаскар был его мечтой, куда мы собирались «поехать». Как же я удивилась утром, когда на завтрак, кроме всего прочего, мы получили шикарный французский багет. Дед очень любил эти длинные булки, именно так их называл. Он научил меня ломать батон руками и сердился, если я, по началу, хватала нож, чтобы резать этот необыкновенно мягкий хлеб с хрустящей корочкой. Недалеко от дома было кафе, где утром можно было купить их горячими. Дед просыпался рано и часто на завтрак у нас был свежайший французский багет с бабушкиным вареньем. Дед выполнил обещание и не оставил меня, – подумала я.

После завтрака группа отправилась наблюдать за лемурами. Бессонная ночь лишила меня сил и желания. Весь день я проспала под пальмами на пляже.

На следующий день мы возвращались в Тану. Когда загрузились в лодку, Парани загадочно объявил, что сегодня нас ждёт сюрприз. Сюрприз – это хорошо, подумала я и тут же позабыла. За окном начинался настоящий Мадагаскар.

Автобус, который ждал нас на пристани, неторопливо отправился в путь, и мы оказались на одной из типичных городских улиц Мадагаскара. Вдоль проезжей частитянулись километры примитивных, сбитых из досок, небольших построек. Все они были обвешаны кусками свежего мяса. Ярко-красного, сочного, согретого горячим Мадагаскарским воздухом. Мухи, которые стаями клубились в поисках наиболее подходящего куска, вызывали желание выскочить из автобуса и немедленно начать их отгонять.

Мне стало не по себе от изобилия развешанных повсюду частей расчлененных трупов. Их вид моментально напомнил запах. Сладковатый, до тошноты неприятный, тяжелый. Его ни с чем не

спутаешь. Им был пропитан анатомический корпус мединститута, в который я однажды попала. У этого запаха есть своё название – путресцин. У людей он вызывает чувство опасности. Может поэтому я не смогла подойти к гробу, в котором лежал дед?

– В связи с ремонтом дороги, нам придется проехать по городу, так что время в пути чуть увеличится, – раздался голос Парани. Получается, люди едят трупы животных, а трупный запах человека вызывает страх, отвращение, даже брезгливость, – подумала я, – Если бы его не было, можно было бы так же легко продавать человечину?»

Автобус резко качнуло в сторону, и он остановился. Я слегка ударилась лбом о стекло и взглянула в окно. Узкие, необустроенные дороги, водители, которые, едут как хотят, велосипедисты и рикши – всё было ожидаемо. Даже переполненные, без окон и дверей автобусы, откуда чудом не падали пассажиры, сильно меня не удивили. Но хаотичнодвигающиеся по обочинам дороги толпы людей, которые, порой, перекрывали проезжую часть, озадачили. Автобус постоянно останавливался и перед моими глазами опять висели куски мяса.

Я подумала, что мы попали на демонстрацию и теперь придется ждать пока все закончится. Как тогда, с дедом, когда гуляли по Москве. Даже толком не помню, чему было посвящено то шествие, но мы не смогли перейти улицу из-за активно «марширующих» горожан. Люди что-то кричали, требовали. Полиция стояла вдоль проезжей части и чувствовалось, что еще мгновение, и они готовы двинуться на толпу, сметая не согласных. Я испугалась и не могла двинуться с места. Захотелось спрятаться. На наше счастье, мы оказались около какого-то кафе. Дед затащил меня и тут же подтолкнул к витрине с пирожными. От разнообразия предложения я моментально забыла про уличный ужас. Примерно часа через полтора, к моменту, когда демонстранты разошлись, я перепробовала все сладости и мы вышли на улицу. Дед осмотрелся по сторонам и видно было, что успокоился.

Через пару часов, въехали в деревню и остановились на небольшой улице. Было видно, что жители готовятся к празднику – на площадке перед домом были расставлены столы с едой, напитками. Люди что-то обсуждали. Кто-то просто сидел в

стороне и наблюдал за происходящим, ожидая, когда начнется что-то важное. Тут же, неподалёку, двое молодых ребят настраивали музыкальные колонки. Перед тем, как выйти из автобуса, услышала голос Парани:

– А теперь сюрприз! Нам повезло – мы попали на одну из самых важных наших ритуальных церемоний почитания мёртвых – фамадихан, или переворачивание костей.

– Что? Чего переворачивание? – посыпались вопросы.

– Костей умершего. Мы верим, что предки – посредники между богом и живыми родственниками, потому что жизнь идёт от бога через дух умерших предков. Поэтому раз в несколько лет надо обязательно встряхивать прах, чтобы с ним общаться.

Из автобуса никто не хотел выходить.

– Я не собираюсь идти и смотреть покойников, – слышалось где-то за спиной, – Или полуразложившиеся трупы, – не унимался кто-то в ответ.

Я вспомнила о своём желании хоть иногда видеть деда. Даже думала о том, что хорошо было бы хранить умершего в специальном месте и периодически видеть его. Мои глаза до сих пор искали знакомые черты, а уши прислушивались к случайным звукам. Я даже не говорю, что руки, порой, ставили ещё одну чашку, чтобы налить в неё чай.

– Если кто не хочет, может остаться в автобусе, или мы можем уехать. Но поверьте, это уникальный случай. Уезжаем или остаемся?

Некоторые поднялись и пошли на выход. Я шла последней.

– Фамадихан – большое событие для семьи. Таким образом мы показываем, что помним наших предков. Мы считаем, что живые – это продолжение мертвых, а дух умершего связывает живущих с богом. Пока останки полностью не разложились, дух надо «встряхивать». Человек уходит в иной мир только тогда, когда от его тела ничего не останется.

Я не любила похороны и все что было связано со смертью. Невольно вспомнила, как несколько месяцев назад, рано утром, зазвонил телефон.

– Алё, мам, я сплю. Что-то случилось?

– Мариночка, ты только не волнуйся, у нас плохие новости – не

стало деда.

И мама замолчала.

– Что? Что ты сказала? Как не стало? Когда?

– Сегодня ночью. Ты прилетишь?

Сон прошел ментально. Неожиданно я почувствовала тяжесть во всем теле. Я даже не могла заплакать. Я жила у бабушки с дедушкой. Даже мой детский сад был в их дворе. Когда пошла в школу, мамapotребовала, чтобы я вернулась к родителям. Дед каждую пятницу забирал меня к себе, и мы опять жили нашей дружной компанией. Когда не стало бабушки, я переехала к деду и не расставалась с ним до моего отъезда в Москву.

На следующий день, утром, мама встретила в аэропорту. До похорон оставалось два дня, так что у меня было немного времени, чтобы подготовиться к предстоящему событию. Я сразу поехала домой, то есть к деду.

– Марина, ты зря туда едешь. Там пусто, никого нет. Давай к нам. Папа тебя ждет. Завтра приедут родственники. Они решили у деда остановиться.

– А давай родственники у вас остановятся, а я дома, у деда? Пойдет?

– Мариш, мы так долго тебя не видели. Соскучились.

Я заметила, как мама хотела еще что-то добавить, но передумала и только поцеловала меня.

Я вышла из такси. По привычке глаза сами нашли угловое окно на третьем этаже. Света не было. Ключ держала уже в руке. Даже сейчас ношу его в сумке.

Первое, что всегда мы делали, когда я приезжала, садились пить чай. В холодильнике лежал обычный набор продуктов – творог, к которому всех приучила бабушка, хлеб, дед всегда хранил его в холодильнике. Нетронутый багет. Обязательное молоко, сметана, овощи и разные соусы. В морозильнике кусок курицы и еще что-то.

Остаток вечера просидела в комнате деда. Там был его порядок – все на своем месте и обязательно лист бумаги и ручка на случай, если вдруг умные мысли посетят седую голову, как он любил говорить.

Мне постоянно слышались шаги, казалось, что кто-то

разговаривает на кухне – тихо шепчет, чтобы меня не разбудить. Я просыпалась и опять погружалась в сон. И каждый раз ко мне приходил дед. Он что-то хотел сказать, но я никак не могла понять, что именно. Потом исчез. Мне стало так обидно, что я расплакалась. С тех пор я видела его во сне почти каждую ночь, даже на Мадагаскаре. И каждое утро на глазах были слёзы.

Местных становилось все больше, и площадь уже не вмещала желающих. Перед домом сидела группа людей. По тому, как они общались и вели себя, было похоже, что они родственники. Я обратила внимание на мужчину и двух женщин – они как-то по-особенному тепло общались друг с другом. Эта троица напомнила мне моих маму, тётю и дядю. Жили они в разных городах, поэтому встречались не часто. Дядя был младшим и самым любимым в семье. Об был лётчиком. Когда училась в младших классах, обожала гулять с ним по городу, особенно, если он был в форме. Приезжал он часто и всегда с подарками. Однажды он привез музыкальную шкатулку. Когда я её открыла, то маленькая балерина в сказочно красивом платье начинала кружиться под волшебную музыку «Вальса цветов» из балета «Щелкунчик» Чайковского. Правда, однажды, когда у меня появились свои деньги и я осмелилась попросить его привезти необычный зонтик, в наших отношениях появилась легкое напряжение. Зонтик он нашел в Одессе, в специальном магазине необычных вещей. Когда мне его отдавал, то, вроде, в шутку, но очень четко сказал, что искать – тоже работа, которая должна быть оплачена. Я подумала, что он шутит, но решила больше ни о чём не просить.

Когда родственники приехали на похороны, я обрадовалась. Мне нравилось видеть всю семью за одним столом. Но с первого дня мамыны брат и сестра старались держаться обособленно. Я не обратила бы внимание, если бы однажды невольно не услышала их разговор. Речь шла о том, как поделить то, что осталось после деда. В конце концов, они опустошили полки шкафов, забив хламьём машину, стараясь запихнуть туда все, что можно увезти. Захватили даже продукты, чтобы мы, случайно, не съели.

А Парани продолжал:

– Подготовка к церемонии идет больше года. За это время должны быть выплачены все долги, кредиты. Провести такую церемонию –

значит показать, что у нас дружная семья без долгов и обязательств. Такие семьи пользуются особым уважением в обществе.

Вдруг ниоткуда появился живой оркестр. Музыка показалась хоть и веселой, но специфической – однообразный ритм повторяющейся довольно простой мелодии действовал угнетающе. И тут всёпришло в движение: собравшиеся направились к дому. Было видно, что на одном из балконов, на носилках с циновкой, лежало что-то, накрытое специальным покрывалом. Несколько мужчин подняли их и начали аккуратно спускать с балкона. Сомнений не было – там находились останки почившей женщины.

– Её привезли из дальней деревни для воссоединения с другими умершими членами семьи, – комментировал Парани.

Я подумала, что пока не видишь мертвое тело, есть иллюзия, что человек уехал. Когда деда уже не стало, и я первый раз вошла в его квартиру, там было тихо и сиротливо. Вроде ничего не изменилось, все стояло по своим местам, но чего-то главного не хватало. Я не могла понять – если дед уходил в магазин, и в квартире было пусто, но почему та пустота не была такой одинокой?

Близкие родственники обернули тело в новый саван из шелка, окрашенного отваром дерева нату, который препятствует процессу разложения тела. Затем подняли на руки и начали двигаться в ритме музыки. Останки, закутанные в саван, внешне напоминали чехол с лыжами, а танцующие с ним малагасийцы, счастливых лыжников, которые наконец-то его нашли. Все было по правилам – плакать нельзя, надо веселиться.

Я не заметила, как посреди двора расставили лавки, и веселившиеся уселись за столы, уставленные едой. Туда же усадили и нашу группу. Я, вдруг, ощутила чье-то присутствие. Оглянулась. Рядом со мной сидела старуха. Я не могла отвести глаз, хотя понимала, что поступаю бестактно, рассматривая её. Седая голова была покрыта белой шапочкой. Белая юбка. Свободного покроя белая мужская рубаша. Босая. Через тонкую, прозрачную, загорелую кожу рук, были видны сосуды, плотно сросшиеся с костяшками кистей. Маленькая, щуплая, невесомая. Нарастающее чувство тревоги, появившееся с её

присутствием, постепенно заполнило пространство и мне захотелось отодвинуться. Я чуть привстала, как она «просверлила» меня своими глазками-гвоздиками схватила холодной, костлявой рукой за предплечье. Меня обдало холодом, хотя на улице была жара.

– Assieds-toi, tuesuninvité.

Французский я не знала, но было понятно, что мне приказали сидеть. Я не смела двинуться. В это время к торцу стола поставили кресло. Через несколько минут на него водрузили останки умершей женщины, завернутые в саван. Толпа родственников окружила кресло и со всех сторон начали что-то выкрикивать. Все это превратилось в гвалт. В это самое время старуха сжимала мою руку все крепче и крепче, как будто боялась отпустить. Я оказалась зажата между истошно кричащей толпой и костлявой старухой. Моя спина начала покрываться мурашками. Сердце заколотилось как бешеное. Меня бросило в жар. И тут кто-то сзади похлопал меня по плечу. От неожиданности я подскочила и чуть не вскрикнула. Оглянулась. Молодой малагасиец, с трудом удерживая большой кусок мяса, тянулся к моей тарелке, чтобы, наконец, положить его. Тошнота подступила к горлу. Я не успела подумать, чем это может закончиться, как мне показалось, что останки в саване падают на меня и я, усыпанная костями чужого мертвеца, валюсь с ними на землю. От ужаса я закричала, рванула с места, как будто спасалась от стремительно обрушивающейся на меня глыбы.

Как влетела в автобус – не помню. Водитель, видимо, испугавшись моего вида и решив, что я перегрелась, моментально, включил кондиционер и сунул бутылку воды. Прохладный воздух и живительная жидкость сработали. Почувствовала, что головная боль начала отступать. Я даже не поняла, что она у меня была. Прежде чем выйти из автобуса, сунула руку в рюкзак, чтобы достать бейсболку. Рука наткнулась на тетрадку в твердой обложке. Это были записи деда, которые таскала с собой в надежде, что как-нибудь прочитаю. Мне казалось, что пока я не открыла тетрадь, точнее, не нарушила частное пространство человека, он жив. Сейчас я об этом забыла и открыла на первой попавшейся странице. «Сегодня водил

Маришку на тренировку по фигурному катанию. У неё никак не получается «восьмерка». Придумал хитрость – нарисовал две «тройки», соединил их и предложил по очереди проехать каждую. Специально не стал упоминать злосчастную «восьмерку». И моя девочка поехала! Она даже не поняла, что справилась с задачей! Какая же радость видеть её улыбку. Умница!» А ведь и правда тогда не поняла, что дед меня обхитрил. Подумала, что сама такая умелая. На колени выпал конверт. На нем надпись – «Марине». Открыла. «Мариночка, дорогая внученька, я тоже очень тебя люблю. Здорово, что нам было о чем говорить. Теперь тебе одной путешествовать по жизни. Не бойся. Путешествия – лекарство от грусти, печали и радости. Обнимаю. Твой дед». Закончив читать, я встала и пошла к выходу.

Я шагнула в мадагаскарское пекло и решительно направилась занять свое место за столом. Растолкав столпившихся рядом с останками гостей, села за стол. Старухи не было. И мяса тоже не было. Малагасийцы танцевали, а я стала подпевать в такт музыки без умолку игравшему оркестру. Все выглядели счастливыми. Я вспомнила, дед говорил, что счастье внутри нас, только надо постараться найти его. У меня получилось нырнуть в состояние удовольствия от проживающего момента.

– Круто! – подумала я и начала пританцовывать.

Минут через двадцать гости, родственники и оркестр отправились в то место, где располагался семейный склеп. Мы туда не пошли. Парани рассказал, что циновка, на которой несли останки, очень ценится и родственники разрывают её на куски, чтобы раздать людям.

Группа вернулась в автобус, и мы отправились в Тану. Кто-то называл церемонию дикостью, кто-то горделиво восхвалял продвинутость европейской культуры, а кто-то молчал. Мне тоже не хотелось комментировать то, что происходило на улочке небольшой деревне в далёком Мадагаскаре. Важно было то, что случилось со мной. У меня прошла какая-то глубокая боль.

– Парани, а кто эта старушка в белом, которая сидела рядом со мной? – спросила я.

– Никакой старушки там не было, – ответил Парани.

– Как не было? Справа от меня. Ты же еще нам помахал рукой?

– Марина, ты что-то перепутала, с тобой рядом сидела девушка, внучка умершей женщины.

Девушка? Я была в замешательстве. Я же точно видела её, чувствовала её костлявые руки, которые впились в меня и не отпускали. А вдруг я правда перегрелась и напридумывала всё? А мясо? Его тоже не было?

Через пару часов, на подъезде к Тане, решили остановиться в парке, чтобы еще раз взглянуть на лемуру. Я чуть углубилась в заросли: хотела получше осмотреться. Неожиданно мне показалось, что за мной кто-то наблюдает. Вдруг, увидела два тёмных человеческих глаза. Из-за густой листвы не сразу заметила черно-серый силуэт животного. Вспомнила рассказа Парани и поняла, что это индри, или бабакото. Малагасийцы верят, что души умерших переселяются именно в этот вид лемуров. Подошла поближе. Индри с интересом наблюдал, а потом начал двигаться мне навстречу. Когда он подобрался совсем близко, протянул лапку, как будто здоровался. Я взяла её в ладонь. Его человеческие глаза смотрели внимательно, проникая куда-то внутрь меня. Угостила бананом. Он аккуратно взял его второй лапкой. Первая крепко держала мою ладонь. Глаза наши встретились. Мне показалось, что индри мне улыбнулся. Я погладила его мягкую шерстку. Он, вдруг, резко повернулся и прыгнул вверх на дерево. Я крикнула: «Если увидишь моего деда, передай от меня привет!» Лемур тут же оглянулся, еще раз пристально посмотрел на меня и скрылся в кроне деревьев. Ночью я первый раз спала без снов.

Ирина ШИРИНЯН. Некаýalar